

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ XV—XVI ВЕКОВ

По характеру происхождения своей власти древнерусский князь был вождем военной дружины, и нормы, определявшие отношения князя и его дружинников, во многом сохраняли свою действенность и тогда, когда люди, окружавшие князя, давно перестали быть дружинниками — членами сообщества людей, живущих вместе с князем у одного «огнища» — очага, а превратились в бояр и детей боярских — вассалов князя, имевших уже и свои земли, и своих подданных.

Отношения эти строились на основе своего рода неписаного договора: вассалы должны были верно служить князю — полководцу (прежде всего на войне), в случае необходимости жертвовать за него своей жизнью, а князь — оказывать им «достойную честь», щедро награждать военной добычей и жаловать им в кормление «грады» и «волости». При исполнении обеими сторонами обязательств их связывала нерушимая верность. Не случайно говорилось: «Аще кто от своего князя к иному отъедет... а достоину честь приемля от него, то подобен Июде».

Отпечаток таких воззрений можно обнаружить даже в текстах, созданных в духовных кругах. Автор так называемого «Слова на поучение ко всем крестьянам», например, призывал слушателей: «Князю вашей земли... покоряйтесь, не рцете ему зла в сердце своем и прийте ему головою и мечем», а далее пояснял, что тогда «не возмогут противитися инии князю вашему». Черты такого представления о носителе власти и его отношениях со своими вассалами легко обнаруживаются в повествованиях летописных сводов первой половины XV века о выдающихся правителях второй половины XIV столетия. Так, в тверском летописном своде XV века великий князь Михаил Александрович выступает прежде всего как полководец, который «хвален бе зело по всей землѣ Тферстей... мужества ради и крепости» и «сладок же бe-аше дружине своей», так как раздавал ей все «елико имяше».

Более подробную характеристику эти близкие доверительные полупатриархальные отношения правителя со своими вассалами получили в московском произведении того же времени «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго». Обращаясь к боярам в своих предсмертных речах, великий князь вспоминал о совместных военных трудах и помощи, оказанной ему на ратном поле: «С вами на многие страны мужествовах, вами и противным бых страшен в бранех и поганых с Божьею помощью низложих». Далее великий князь напоминал боярам о том, как он исполнял свои обязанности по отношению к ним: «Под вами города держах и великия власти, никому же вас зла сотворих, ни силою что отгях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни избесчинствовах, но всех любил и в чести держал». Как бы итог всему сказанному подводят слова: «Вы ж не нарекошеся у мене бояре, но князи земли моей».

Лишь после этого великий князь обратился к боярам, напоминая о принесенной ими клятве верности («должны есмы служити тебе и детем твоим и главы своя пред вами положить»). Одновременно великий князь обращается и к сыновьям: «Бояре своя любите, честь им достойную воздающе противу служения их, без воля их ничто же творите».

Образованным кругам древнерусского общества (прежде всего духовенству) было известно и иное представление о власти, сложившееся в Византийской империи и перенесенное на русскую почву со славянскими переводами «Номоканона» (собрания решений церковных соборов, а также императорских декретов, касающихся церкви) и других памятников, отражающих традиции византийской политической мысли.

Характерные для Византии представления о власти императора начали формироваться в IV веке, когда христианство стало господствующей религией в Римской империи. Император, согласно этим представлениям, — единственный глава земного мира (который ес-

ли не является, то в конечном итоге должен стать христианским), избранный для управления самим Богом; его положение на земле — несовершенное земное отражение положения Бога как владыки всего Космоса, его деятельность — несовершенное земное подражание деятельности Бога.

Отсюда вытекало представление о власти императора как абсолютной, ничем не ограниченной. Так, например, император был единственным источником права (встречающиеся еще в ранневизантийских текстах упоминания о «воле народа», или об изданиях законов сенатом со временем полностью исчезают). Правда, во многих византийских текстах мы можем найти рассуждения о том, что деятельность правителя должна иметь целью благо подданных, что он должен обеспечить осуществление справедливости, что, создавая новые законы, он должен подавать подданным пример в исполнении законов уже действующих, но речь шла о своего рода морально-нравственных обязательствах, за нарушение которых правитель нес ответственность только перед Богом. Подобно Божьей, власть императора была не только абсолютной, но и всесторонней, затрагивая самые разные сферы общественной жизни.

Правда, с течением времени полноте императорской власти на почве Византии были поставлены ограничения. Император был не вправе единоличным решением вносить изменения в учение церкви, определенное решениями Вселенских соборов. Такому правителю, по мнению ряда представителей византийской общественно-политической традиции, подданные могли отказать в повиновении. Из этого, однако, нельзя сделать вывод, что церковь и все, с ней связанное, находились за рамками сферы деятельности императорской власти. Если обретение истин вероучения было делом отцов церкви, то сама их деятельность организовывалась императорами, которые созывали епископов на соборы и председательствовали на них.

И это понятно, так как, согласно византийской традиции, важнейшей задачей императорской власти было не только обеспечение порядка в обществе, но и руководство членами этого общества на их пути к спасению. Именно так в конце VI века определял задачи, стоящие перед императорской властью, папа Григорий Великий в письме к императору Маврикию. Бог, писал папа, дал византийским императорам власть «над всем человечеством для того, чтобы они помогали желающим делать добро, чтобы шире открывали людям дорогу, ведущую в небеса, чтобы царство земное служило Царству Небесному».

Аналогичным образом понимали свои обязанности перед Богом и сами византийские императоры. «Господь, вручив царство императорам, вместе с тем повелел им пасти верное стадо Христово по примеру Петра, главы апостолов» — читаем мы в предисловии к «Экло-

ге» — своду законов, составленных императором Львом III в первой половине VIII века (он был переведен в Древней Руси, возможно, еще при князе Владимире). Как писал в конце XIV века константинопольский патриарх Антоний, императоры «подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и благоустройстве христианской жизни». Императорские декреты, регулировавшие разные стороны жизни церкви и отношения церкви со светским обществом, вошли в состав «Номоканона» — руководства, определявшего жизнь церкви, и пользовались авторитетом не меньшим, чем решения соборов. Как лицо, осуществляющее верховный надзор над выполнением церковью своих обязанностей, император неоднократно вмешивался в дела киевской митрополии, подчиненной константинопольскому патриарху. Соборное определение 1380 года о разделе этой митрополии открывалось словами о том, что «высочайший и святой самодержец, поборник и предстатель церкви, отмститель и защитник ее прав приложил все старания к тому, чтобы исправить русскую церковь».

Император был блюстителем чистоты веры, гарантом ее сохранения в границах христианского мира; он же должен был заботиться о распространении христианства за пределы этих границ. Именно в этом своем качестве он и выступал как земное подобие небесного Бога.

Эти представления о власти стали в той или иной мере известны Древней Руси сравнительно рано. Уже в летописный рассказ о убийстве Андрея Боголюбского (1174 год) было включено изречение византийского писателя VI века диакона Агапита: «Естеством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властью же сана, яко Бог». Однако все эти идейные заимствования мало влияли на общественную жизнь. Так, распространившееся, несомненно, под влиянием Византии представление о княжеской власти как установленной Богом реально никак не повлияло на традиционные отношения князей со своими дружинниками, а позднее — со своими боярами. Сам характер этих отношений не способствовал переносу на древнерусскую почву византийских представлений о власти.

Положение стало меняться с объединением русских земель вокруг Москвы. Произошло резкое усиление власти государя — московского великого князя. Начался переход от отношений правителя и вассалов, основанных на неписаном договоре, условия которого, однако, были хорошо известны обеим сторонам и ими соблюдались, к иному типу отношений — отношениям между правителем и подданными. В таких условиях в древнерусском обществе закономерно должен был появиться интерес к византийским представлениям о власти. Росту такого интереса способствовало и воздействие некоторых внешних факторов.

До середины XV века существовало одно серьезное препятствие на пути прямого переноса византийских представлений о власти на

русскую почву. Охарактеризованные выше представления о власти связывались в византийской традиции лишь с особой императора как единственного главы христианского мира и не распространялись на прочих правителей, живущих в границах этого мира. В конце XIV века константинопольский патриарх Антоний, приведя слова апостола Петра: «Бога бойтесь, царя чтите», пояснял великому князю Василию Дмитриевичу, что апостол «не сказал царей... но царя, указывая на то, что один только царь во вселенной». Апостол, разъяснял он далее, говорит «о царе природном, которого законоположения, постановления и приказы исполняются во всей вселенной, и его только имя повсюду поминают христиане, а не чье-либо другое».

К середине XV века в этом отношении произошли значительные изменения. Византийский император, изменив своей миссии защитника и блюстителя чистоты православия, направился в Италию к римскому папе и содействовал заключению там во Флоренции в 1439 году церковной унии, по которой православная церковь приняла латинское вероучение и подчинилась верховной власти папы. А вскоре после этого, в 1453 году, турки-османы взяли штурмом Константинополь и положили конец существованию тысячелетней византийской империи, что было воспринято древнерусским обществом как «Божья кара» за отступление греков от истинной веры. В то же самое время, в конце XIV—XV века, и многие другие православные государства были завоеваны османами. Те же, кто уцелел (Дунайские княжества, грузинские царства), стали вассалами султана.

О том, как были восприняты происшедшие перемены русскими людьми того времени, лучше всего говорят слова писавшего в первых десятилетиях XVI века псковского монаха Филофея: «Все христианские царства потопишась от неверных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христоваго стоит».

На всем протяжении Средневековья Древняя Русь ощущала себя частью того мира, который историк Дмитрий Оболенский назвал «Византийским содружеством». Теперь это «содружество» перестало существовать, и православная Россия оказалась одна в чужом окружении, которое ощущалось как инославное и потому враждебное. Что следует сделать, чтобы Россия не разделила судьбу других православных государств? Этот вопрос то вполне осязаемо, то незримо присутствовал с середины XV века в древнерусском общественном сознании. Так, в рассказе о нашествии на Русь татарского хана Ахмата (1480 год), сохранившемся на страницах Типографской летописи, неизвестный автор призывал «сынов русских» дать мужественный отпор татарам, указав им на печальный пример «великих государей», которые «не стяжа мужествене» и теперь скитаются по чужим странам «укоряеми и поношаеми, оплеваеми, яко немужествени». В начале XVI века, призывая Василия III преследовать еретиков, Иосиф Волоцкий указывает, что в противном случае Россия погибнет по-

добно тому, как погибло некогда «Ефиопское великое царство и Арменское и Римское». Все это придавало древнерусским рассуждениям о характере власти правителя тот драматический оттенок, который они в иной исторической ситуации могли бы и не иметь: в восприятии современников споры о том, как организовать управление государством, воспринимались как споры, касающиеся самой судьбы государства.

Для образованных кругов древнерусского общества (прежде всего духовенства) падение Византийской империи стало своего рода катастрофой мирового порядка — с исчезновением института императорской власти исчез верховный гарант сохранения традиционного порядка в мире как в светской, так и в духовной сфере. Не удивительно, что возникла острая потребность в том, чтобы заполнить возникший вакуум. Первые результаты предпринятых усилий можно обнаружить в тексте так называемого «Слова на латину», написанного в 1461/62 году в связи с возведением на митрополичью кафедру митрополита Феодосия. Главный герой этого произведения — великий князь московский Василий Васильевич, «богоутверженный и благо-разумный благоверия держатель Роуских земель», который отстоял чистоту православия, отвергнув унию, заключенную во Флоренции, и сохранил самостоятельность московской митрополии перед лицом латинской угрозы. Бог «спас русскую церковь», утверждает автор Слова, «обличением Богом вразумлеваемого великодержавного Василья Васильевича, в благочестии цветущаго царя всей Руси». Образ Василия Васильевича противопоставлен в «Слове» византийский император, который «увязнув» «в сети злата», поднесенного ему латинянами, «сеятель злочестия показася» и тем привел к гибели «царствующий град». Напротив, Василий Васильевич не только сумел сохранить в чистоте православную веру в Русской земле, но и распространил православное учение среди иноверных: «Многих от язык агарянского племени и от жидовского роду и от иноверных... благо-разумием от тмы на свет изведе». В «Слове» мы еще не находим прямого утверждения, что великий князь Московский занял в мире то место, которое ранее принадлежало византийскому императору, но в нем заложена основа для того, чтобы подобный вывод был в дальнейшем сделан.

Такой вывод был сделан, как известно, в предисловии к «Изложению пасхалии на осмую тысящу лет», написанному в 1492 году главой русской церкви митрополитом Зосимой. Начав с цитирования евангельского предсказания: «И будут первии последнии и последнии первии», и рассказав об утверждении христианства Константином Великим и заложении «града Константина» — «еже есть Новый Рим», Зосима закончил свое изложение словами: «Ныне же в последняя сия лето... прослави Бог... благовернаго христюлюбиваго великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, ново-

го царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Тогда же, в 90-е годы XV века, на печатях «нового Константина» — Ивана III — появилось изображение двуглавого орла — эмблемы мировой христианской империи.

Своеобразным итогом размышлений о судьбах православного мира и роли, которую должна играть в нем Россия, стала теория «Москвы — третьего Рима», впервые сформулированная в послании старца псковского Елеазарова монастыря Филофея московскому дьяку Мисюрю Мунехину, написанном в начале 20-х годов XVI века. В этом послании Филофей писал о том, что «греческое царство разорилось и не созижется... понеже они предаша православную греческую веру в латынство», и теперь русского государя следует рассматривать, как «в всей Поднебесной единого хрестьяном царя и брододержателя святых божиих престол святых вселенская апостольская церковь», центр которой находится уже не в Риме и не в Константинополе, а «в богоспасаемом граде Москве».

Взгляды Филофея лишь в конце XVI века стали частью официальной московской идеологии, а его категорическое убеждение в том, что «греческое царство разорилось и не созижется», разделялось далеко не всеми из его современников. В те же 20-е годы XVI века, когда Филофей писал свое послание, в хронографе (изложении всемирной истории), написанном в Иосифо-Волоколамском монастыре, выражалась надежда, что Бог, «погребеную яко в пепле искру благочестия во тме нечестивых властей возжет зело и попалит Измаилт нечестивых царства... и паки возставит благочестие и царя православна».

Однако при всех различиях конкретных воззрений представителей интеллектуальной элиты русского общества первой половины XVI века объединяло убеждение в том, что в православном мире Россия занимает особое исключительное место и от ее действий будут зависеть судьбы этого мира.

Показателен в этом плане рассказ о рождении Ивана IV, который читается в составе «Лицевого свода» — изложении всемирной и русской истории, составленной для самого царя. Здесь отмечается, что при рождении у Василия III сына-наследника «не токмо все Русское царство, но и повсюду вси православнии възрадовашася», «вси православнии во всех концех вселенныя радости исполнишася».

Радость эта, в представлении автора рассказа, была, конечно, связана с надеждами на то, что русский государь освободит живущих по всему миру православных от власти инославных и иноверных правителей. Не случайно в другом крупном памятнике официальной идеологии эпохи Грозного — «Степенной книге царского родословия», повествовании о русской истории, созданном при ближайшем участии преемника Макария, митрополита Афанасия, рассказ о взя-

тии Константинополя турками-османами завершался пророчеством о том, что «русский же род» одержит победу над «Измаилти» «и сedomохламо (то есть города, расположенного на семи холмах — Константинополя. — Б.Ф.) примут ... и в нем воцарятся».

Уже в первые десятилетия XVI века в кругах, близких к московской митрополичьей кафедре, войны, которые вело Русское государство с соседями за расширение своих границ, начинают восприниматься как войны, целью которых является освобождение православных и утверждение православия в окружающем Россию мире. Так, в рассказе митрополичьего свода 1518 года о взятии Василием III Смоленска в 1514 году читаем, что жители города «благодарственныа испущаша гласы свободившеся злые латыньския прелести и насилия, возрадовашеся своему истинному пастырю и учителю православному великому государю». Такой «священной войной», «крестовым» походом за освобождение православных и утверждение православия в новых странах были и походы Ивана IV на Казань, направленные против мусульманского мира.

К середине XVI века представления об особой роли, предназначенной русскому государю, стало разделять и православное духовенство за пределами Русского государства. Обращаясь к Ивану IV, восточные патриархи называли его «надеждою и упованием всех родов христианских», которых он избавит «от варварской тяготы и горькой работы (рабства. — Б.Ф.)».

Таким образом, на русского государя ложилась та миссия по сохранению и утверждению православия во всей вселенной, которую оказался не в состоянии осуществить византийский император. Как писал в середине XVI века неизвестный древнерусский книжник, «един православный русский царь в всей поднебесной яко же Нои в ковчезе спасенный от потопа, правя и окармлиа Христову церковь и утвержаа православную веру». В этом высказывании с большой силой выражено убеждение, что власть православного русского государя является единственной точкой опоры в мире «нечестия» (подобно ковчегу Ноя в водах потопа) и что от его мудрого руководства зависят судьбы и православной церкви, и православной веры.

Естественно, что в таких условиях на русского государя стал переноситься весь комплекс представлений, который на византийской почве был связан с институтом императорской власти. Об этом достаточно ясно говорят приведенные выше тексты. Когда автор рассказа о взятии Смоленска называет Василия III «пастырем и учителем» православных, а Филофей именует его «браздодержателем святых Божьих престолов святой вселенской апостольской церкви», они присваивают русскому государю те прерогативы, которые ранее были принадлежностью только византийской императорской власти.

Наиболее яркое выражение процесс переноса византийских представлений об императорской власти на личность русского госу-

даря нашел в сочинениях Иосифа Волоцкого, одного из наиболее выдающихся деятелей русской церкви конца XV—XVI века.

Суровый блюститель чистоты веры, Иосиф усвоил уроки византийской традиции, отвергавшей власть тех правителей, которые пытались произвольными решениями менять традиционное вероучение. Православные, писал константинопольский патриарх Антоний великому князю Василию Дмитриевичу, «отвергают царей, которые были еретиками, неистовствовали против церкви и вводили развращенные догматы». В соответствии с этим Иосиф Волоцкий писал в 7-м слове своего «Просветителя»: «Аще же есть царь над человеки царствуя, над собой же имать царствующа страсти и грех, сребролюбие и гнев, лукавство и ярость, злейши же всех — неверие и хулу, таковой царь не Божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель». Иосиф даже призывал подданных не повиноваться приказам такого монарха: «И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертью претить!»

Однако совсем иными были представления Иосифа о власти верного православию царя. При этом в отличие от авторов византийских трактатов Иосиф видел такого правителя в современном ему русском государе, великом князе Василии III. Земная власть этого государя представлялась ему несовершенным земным отражением власти «небесного Бога». Обращаясь к Василию III, он писал: «По подобию небесной власти дал ти есть небесный царь скипетр земного царствия».

Повторяя слова византийского книжника VI века диакона Агапита, Иосиф утверждал, что «царь оубо естеством подобен человеку, властью же подобен есть вышнему Богу». Власть его, как и власть Бога, абсолютна и неограниченна — великий князь московский «государем государь», «которого суд не посужается». Подобно власти Бога, власть московского государя является не только абсолютной, но и всесторонней. Важнейшей задачей его власти было соблюдение порядка в обществе, которое достигается сохранением и исполнением законов: как мудрый кормчий, царь «содержит твердо доброго закона правило, иссушаа крепко беззакония потоки, да корабль всемирная жизни... не погрязнет волнами неправды». Однако Иосиф, следуя в этом отношении за византийской традицией, еще более важной задачей власти считал ее обязанность вести подданных по пути к спасению. Осуществляя эту важную миссию, доверенную ему самим Богом, царь подчиняет своему руководству и саму церковь. Эту мысль Иосиф выражает в своих сочинениях неоднократно, то в более возвышенной и отвлеченной форме, говоря об обязанности царя своих подданных «от треволнения спасти душевна и телесна», то более конкретно, приземленно, утверждая, что когда Бог «посадил» Василия III «на царском престоле», то он «церковное и монастырьское и всего православного христианства вся Руския земля власть и попечение вручил ему».

Так на русской почве утверждалось представление о власти государя как власти абсолютной и всеобъемлющей, при которой не было места каким-либо договорным отношениям между государем и подданными.

Признание такого характера власти государя не предreshало еще вопроса о том, как эта власть будет действовать, какими средствами она будет добиваться осуществления стоящих перед ней целей. Характерное для византийской традиции представление о власти царя как несовершенном земном отражении власти Бога можно встретить не только в сочинениях Иосифа Волоцкого. Максим Грек в послании к Ивану IV также писал, что царь «есть образ живый и видим самого царя небеснаго». Из этого знаменитый греческий книжник делал вывод, что так как Бог «естеством благ есть, весь правда, весь милость, весь щедр ко всем вкупе живущим на земли», то и царь должен, подражая Богу, так же поступать по отношению к своим подданным.

Иосиф Волоцкий, суровый блюститель чистоты веры и гонитель еретиков, напротив, делал ударение на роли власти в очищении мира от зла, от явлений, которые нарушают спокойствие в обществе и угрожают чистоте веры. Говоря об обязанности царя спасти подданных от «треволнения... душевна и телесна», Иосиф далее пояснял, что «душевное бо есть треволение еретичьско учение, телесное же есть треволение — татьба и разбойничество, хищение и неправда». Важнейшей из этих задач, согласно Иосифу, была борьба с религиозным инакомыслием, распространение которого могло привести к гибели душ подданных, вверенных Богом попечению царя. Обращаясь к Василию III, Иосиф пояснял, что «волю дав» людям, творящим зло, тот будет отвечать перед Богом. При исполнении этих задач власть должна опираться на насилие: судить, заточать и подвергать казням. «Страшен будеши, — писал Иосиф Василию III, — сана ради и власти царские и запретиши не на злобу обращаться, а на благочестие». Сравнивая царя с солнцем, Иосиф Волоцкий отдавал предпочтение первому: свет солнца прекращается с наступлением ночи, а царь постоянно «светом истинным обличает тайнаа неправды».

Таким образом, вклад Иосифа Волоцкого в развитие древнерусской общественной мысли заключался не только в том, что на страницах своих сочинений он создал образ русского государя, во многом воспроизводивший черты образа императора в традиции византийской «имперской теологии». Благодаря его творчеству в древнерусском общественном сознании прочно утвердилось представление о том, что главной обязанностью государя является очищение общества от носителей пороков, которые угрожают стабильности социальной и духовной жизни (разбойников и еретиков).

Одним из сочинений, в которых Иосиф Волоцкий развивал свои идеи, было 16-е Слово «Просветителя» — книги, которую внимательно читал в 50-х годах XVI века Иван IV.

Иосиф Волоцкий имел широкий круг учеников и сторонников, многие из которых были весьма влиятельны. Его преемник по управлению обителью игумен Даниил стал в начале 20-х годов XVI века главой московской митрополии. К числу последователей и почитателей Иосифа Волоцкого принадлежал и митрополит Макарий. Поэтому не может вызвать удивления тот факт, что на протяжении первой половины XVI века появлялись все новые тексты, в которых повторялись образы правителя, созданные волоцким игуменом. Одним из таких текстов стало уже упоминавшееся «Похвальное слово» Василию III, написанное в связи с рождением долгожданного наследника — княжича Ивана. В 1547 году выдержки из сочинений Иосифа Волоцкого были включены митрополитом Макарием в чин венчания на царство Ивана IV.

Венчание Ивана IV на царство 16 января 1547 года было своеобразным завершением тех перемен во взглядах на характер власти московских государей, которые происходили в сознании интеллектуальной элиты русского общества на протяжении столетия. Теперь русский государь стал царем — императором, наделенным всей суммой прав, связанных с обладанием этим титулом, не только фактически, но и формально. Одновременно было возведено в ранг высшего авторитета то представление о правителе, объеме и содержании его власти, которое выработал Иосиф Волоцкий.

Одновременно с глубокими переменами в отношении церкви к носителю высшей власти на территории России менялось ее отношение к политическим противникам великого князя Московского. В XIV — первой половине XV века церковь лишь в исключительных случаях вмешивалась в политическую борьбу, угрожая непослушным отлучением от церкви. Правда, к таким мерам прибегал еще митрополит Алексей, отлучая от церкви князей — противников Дмитрия Донского, но основанием для отлучения был не факт их противодействия политике великого князя, а их союз против него с язычниками-литовцами. В середине XV века достаточным основанием для отлучения от церкви двоюродного брата великого князя Василия Васильевича — Дмитрия Юрьевича Шемяки было то, что он напал на великого князя без объявления войны, нарушив «крестное целование» — присягу на кресте соблюдать мир между собой («разбойнически, ношетатством, на крестном целованьи», по выражению летописца). По-видимому, уже к этому времени складывалось представление о том, что нарушение присяги — «крестного целования» является таким грехом, который не может быть смыт никаким покаянием. «А крест целовав, изменил к кому, за то и до смерти плакаться», — читаем мы в одном из епитемийников XV века. Впрочем, позднее в послании, направленном в Новгород, глава русской церкви того времени — митрополит Иона, требуя от новгородцев отказаться от поддержки Шемяки, не использовал даже этот довод, ут-

верждая просто, что Шемяка «сам себя от христианства отлучил своим братоубийством, изменами своими брату старейшему, великому князю Василью Васильевичу».

В такой позиции, занятой митрополитом и собором епископов, была определенная логика. После того как «Новый Рим» — Константинополь отступил от истинной веры, на великого князя Московского перешла миссия по сохранению и распространению в мире православия, а значит, лица, препятствующие ему в выполнении его миссии, ставили себя за пределы сообщества истинных христиан. В отношениях с такими людьми, очевидно, можно было не прибегать к нормам поведения, обязательным по отношению к христианам. Когда в 1462 году серпуховские дворяне попытались освободить из тюрьмы своего князя, заточенного Василием Темным, и были казнены, то перед казнью великий князь «и отцем духовным не велел приступати к ним», и те умерли, не имея возможности исповедаться в грехах перед смертью.

Традиция, установившаяся в XV веке, продолжала существовать и в следующем столетии. Когда в малолетство Ивана IV его дядя, князь Андрей Иванович, воспротивился распоряжениям правительницы Елены Глинской и отказался приехать в Москву, митрополит Даниил угрожал ему отлучением от церкви и проклятием.

В начале XVI века Иосиф Волоцкий учил, что подданные должны быть покорны истинно-православному правителю, распространяя это и на самых высокопоставленных церковных иерархов: «А божественная правила повелевают царя почитати, не сваритися с ним. Ни древнии святители дръзнуша сие сотворити, ни четыре патриарси». «И аще когда царь и на гнев совратится на кого», святые отцы могли лишь просить о снисхождении для такого человека «с кротостию и с смирением и со слезами».

Параллельно с выработкой новых представлений о характере власти московских государей в кругах духовенства, опиравшегося при этом на определенные византийские традиции, в светском обществе также, но на своей местной основе шли поиски новых понятий, которые позволили бы определить и осмыслить перемены в отношениях между московскими правителями и их вассалами, которые обозначились с объединением русских земель в едином государстве.

Ключевым для понимания происходивших перемен следует признать определение власти великого князя Московского как власти «государя» в том значении, которое стало вкладываться в этот термин во второй половине XV века. Раскрыть содержание этого понятия позволяют сообщения источников, связанные с ликвидацией Новгородской феодальной республики. Как известно, последний конфликт между Новгородской республикой и Москвой был вызван тем, что послы Новгорода впервые в истории отношений между государствами называли великого князя не «господином», а «государем», по-

сле чего Иван III потребовал для себя в Новгороде такого же «государства», как в Москве.

На начавшихся затем переговорах новгородские представители выдвинули некоторые условия, на которых они соглашались признать Ивана III своим «государем», и просили, чтобы великий князь дал обязательство эти условия соблюдать («дал крепость своей отчине Великому Новгороду, крест бы целовал»). Эти требования Иван III решительно отклонил: «Вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое». Значение употребленного здесь термина «урок» раскрывает такой новгородский текст, как «Сказание о чуде Знамения», где говорится, что по отношению к владими́ро-сузда́льским князьям (историческим предшественникам московских великих князей) новгородцы «данем и послушанию положиша урок, еже не преходити предел прежде установленных». Следовательно, «урок» — это определенные, точно установленные нормы, которые правитель в отношениях с Новгородом обязан соблюдать. Таким образом «государь» — это правитель, власть которого не знает каких-либо обязывающих его ограничений в отношениях с подданными. Между правителем и подданными не существует каких-либо договорных отношений. Хотя Иван III в конце концов удовлетворил некоторые пожелания новгородцев, это был акт «милости» с его стороны и никаких обязательств, ни письменных, ни устных, великий князь новгородцам не дал.

Исследователями было давно отмечено, что такое понимание термина «государь», новое для практики политической жизни Московской Руси, имеет аналогии в сфере частного права, в личности «государя» как хозяина, обладающего всей полнотой прав на свое имущество. Владелец «холопов» — несвободных людей, добровольно продавшихся в рабство или полученных по наследству, и в «Судебнике», составленном при Иване III в 1497 году, и в «Судебнике» Ивана IV 1550 года последовательно назывался «государем».

Представляется совсем не случайным, что в то самое время, когда для обозначения власти московского великого князя стал использоваться термин «государь» в его новом значении, знатные лица из окружения Ивана III, занимавшие важные административные должности, начинают при обращении к правителю именоваться «холопами» великого князя.

Почему именно этот термин был избран для обозначения новых отношений между великим князем и его вассалами?

Несомненно, использование новых терминов должно было показать, что речь идет теперь об отношениях не князя и его дружинников, а правителя и его подданных (хотя бы и благородного происхождения). В ряде стран Западной Европы схожая задача поиска новых правовых понятий для определения новой действительности была решена благодаря рецепции римского права. Для средневековой Рос-

сии, где традиция изучения и комментирования римского права отсутствовала даже в кругах духовенства, такой путь решения вопроса исключался. Новые представления приходилось строить на старом, знакомом материале.

И здесь следует обратить внимание на то, что одним и тем же термином «холоп» на Руси обозначались представители разных социальных групп. «Холопами» были рабы, занятые в хозяйстве господина или обрабатывавшие его пашню, но «холопами» были и военные слуги вельмож, ходившие с ними в походы, управлявшие их владениями, а часто и отданными в «кормление» округами. Тех и других объединял один общий признак — личная зависимость от господина.

В период раннего Средневековья такой слой несвободных военных слуг существовал во многих странах Европы (на Западе их называли «министериялами»), но с течением времени большая часть этих людей приобрела личную свободу и вошла в состав формирующегося дворянского сословия. В России же большой слой несвободных военных слуг продолжал сохраняться, составляя и во второй половине XV, и в XVI веке основу вооруженных сил страны. Соответственно, сохранялись и связанные с деятельностью этого слоя понятия и представления.

Когда во второй половине XV века шел поиск понятий, которые бы показали, что теперь зависимость военных вассалов от правителя является более всесторонней и глубокой, чем ранее, то для обозначения этих новых отношений были избраны понятия «государь» и «холоп», так как это был единственный известный обществу того времени тип таких отношений.

Разумеется, когда вельможи из окружения Ивана III стали называть себя «холопами» великого князя, это вовсе не означало, что они превратились в несвободных людей — его «невольников», подобно вельможам современника царя Ивана султана Сулеймана Великолепного. Они сохраняли не только свою личную свободу, они могли свободно распоряжаться своей родовой собственностью — вотчинами, например, передавая их как заупокойный вклад в какую-нибудь обитель. Они даже имели полное право претендовать на соответствовавшие знатности их происхождения военные и административные должности, и великий князь не мог передавать эти должности менее знатным людям. Однако характер отношений правителя даже с кругом его советников не мог не претерпеть существенных изменений. Правитель теперь уже не был обязан обсуждать с ними все важные вопросы, а мог решать их, как жаловались некоторые современники Василия III, «сам третьей у постели». При этом стало караться не только неповиновение каким-либо распоряжениям великого князя, но и просто критика его действий. В 20-х годах XVI века сын боярский Иван Никитич Берсень-Беклемишев, член одного из наиболее знат-

ных московских боярских родов, был уличен в том, что он порицал великого князя за перемену «старых обычаев», и был за это приговорен к смертной казни.

Хотя оба рассмотренные выше представления о характере власти государя имели разное происхождение и сложились в разной среде (первое — в кругах духовенства, второе — в сфере отношений правителя и его светских вассалов), в жизни они вовсе не отделялись одно от другого непроходимым барьером и не были достоянием только той среды, в которой сформировались. Великий князь Василий III, несомненно, чтит память Иосифа Волоцкого и покровительствовал его обители не в последнюю очередь потому, что ему глубоко импонировали сложившиеся там представления о природе его власти. Эти представления были хорошо известны и светскому окружению отца Ивана IV. В беседах с австрийским послом Сигизмундом Герберштейном советники Василия III называли своего государя «свершителем божественной воли» и «держателем ключей Божьих».

Существующие представления о характере власти государя, в сущности, не противоречили друг другу, а разным путем вели к общему выводу, что власть правителя не подлежит каким-либо ограничениям со стороны его подданных.

Практика общественной жизни середины XVI века, времени зарождения «сословного общества» в России, не отвечала такому идеалу правителя, но никто и не пытался ставить под сомнение сложившиеся к этому времени представления о власти.

Это противоречие наложило свой отпечаток на формирование личности Ивана IV и как политического мыслителя, и как государственного деятеля.